

ГАМКРЕЛИДЗЕ Т. В.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ТИПОЛОГИЯ АЛФАВИТНОЙ СИСТЕМЫ ПИСЬМА

(Письменные системы раннехристианской эпохи)

II

10.1. Сравнительное изучение различных древних алфавитных систем письма восстанавливает типологию возникновения письменности и дает общую картину процесса создания алфавитного письма на основе взятой за образец письменной системы, служащей некоторой моделью для вновь создаваемой письменности.

Первый и основной этап этого процесса — расчленение звуковой стороны языка на отдельные звуковые единицы, которые следовало бы выразить на письме особыми графическими символами, т. е. в сущности создание плана содержания письменной системы. Этот основной этап создания письменности представляет собой в принципе фонетико-фонемный анализ языка [49, с. 226], проводимый на основе сопоставления фонетической стороны языка со звуковыми единицами, которые представлены в определенной последовательности в письменной системе, взятой за образец³⁵. В результате письменная модель индуцирует в языке, для которого создается письменность, определенное множество звуковых единиц, совокупность которых и составляет план содержания вновь создаваемой письменной системы.

Выделение и расположение в определенном порядке звуковых единиц языка, для которого создается письменность, предполагают одновременно и изобретение определенных графических символов, с помощью которых должны выразиться эти выделенные по конкретному письменному образцу звуки, т. е. в сущности создание наряду с планом содержания и плана выражения письменной системы. Эти два процесса — выделение и расположение звуковых единиц языка в определенной последовательности и создание графических символов для их выражения — являются взаимосвязанными процедурами, предполагающими друг друга. Оформление как плана содержания, так и плана выражения письменной системы представляет собой единый творческий процесс ее создателя³⁶.

³⁵ Поскольку каждая письменная система, и в особенности алфавитная система письма, предполагает имплицитно предварительный фонетико-фонемный анализ языка со стороны ее составителя, соответственно каждая письменная система являет собой древнейший образец лингвистического исследования данного языка.

³⁶ За каждой письменной системой, будь то старосемитская, архаическая греческая, коптская, древнеармянская, готская, старославянская и др., стоит конкретная личность ее создателя, который по заранее намеченному плану оформляет на основе определенного письменного прототипа новую письменность для своего языка. Не следует представлять себе процесс создания письменности в виде некоторого коллективного творчества, т. е. таким образом, будто одним лицом в определенный момент созда-

10.2. Самым простым и естественным способом оформления плана выражения вновь создаваемой письменной системы было бы точное воспроизведение начертания соответствующих графических символов системы-прототипа, представленных в определенной последовательности. «Добавочные» знаки, выражающие специфические для данного языка звуки, могли быть заимствованы из других письменных источников, в которых представлены звуки, фонетически схожие с этими специфическими звуками, или созданы путем графической модификации определенных знаков данной системы.

Примером подобного метода создания плана выражения новой письменности может служить архаическое греческое письмо, которое в сущности повторяет парадигматику и начертание знаков старосемитской письменности. Добавочные знаки греческой системы создаются позднее путем графической модификации основных знаков системы или путем их заимствования из других письменных источников.

Аналогичного характера с точки зрения плана выражения системы являются коптский и готский алфавиты, а также старославянская кириллица, которые основаны на греческой письменности не только в отношении внутренней структуры, но и в отношении формы и начертания соответствующих знаков греческого унциального письма.

10.3. В процессе создания письменности для какого-либо языка L звуковые единицы этого языка выделяются путем сопоставления со звуками языка L', представленными в определенной последовательности в письменной системе L', которая берется в качестве образца или модели для вновь создаваемой письменности.

Выделенные таким образом фонетически сходные звуки языка L предполагаются по образцу исходного алфавита языка L' и получают соответствующие графические выражения. Иными словами, происходит установление звуковых соотношений на основе фонетического сходства звуков языка L и языка L', письменность которого берется за образец для вновь создаваемой письменности.

В результате установления таких фонетических соотношений звуковой состав языка-прототипа L' и последовательность звуков в исходной письменности естественно «отображаются» на соответствующий фонетический ряд языка L, для которого создается письменность; парадигматика исход-

ется какое-то количество письменных знаков, далее кто-то добавляет еще какое-то число знаков, позднее появляются еще определенные знаки и т. д., пока не возникнет графическая система, достаточная для выражения основных звуковых единиц языка.

Письменность (если она является таковой) с самого же момента ее создания представляет собой уже довольно полную систему с достаточным количеством графических символов, необходимых для выражения основных характерных для данного языка звуковых противопоставлений. В дальнейшем, в процессе эволюции созданной таким образом (т. е. в результате единого творческого акта ее создателя) письменной системы, письменность может претерпевать определенные системные и графические преобразования с целью ее усовершенствования и более полного и адекватного выражения звуковых противопоставлений (ср. создание дополнительных знаков для выражения вокалической долготы, а также для придыхательных p^h и k^h в греческой письменности) или отражения на письме звуковых преобразований языка. Возможные графические преобразования письменности выражаются в изменениях со временем в начертаниях знаков и в общем графическом облике письма, обусловленных меняющейся манерой письма. В этом смысле в отношении любой письменной системы можно поставить вопрос: известна ли нам данная письменность в той форме, в какой она вышла из рук ее создателя, или дошедшая до нас письменность представляет собой позднюю ее разновидность, сформировавшуюся в результате системного и графического преобразования первоначальной системы?

ной письменности языка L' отображается на парадигматику вновь создаваемой письменности. Эта последняя определяется, индуцируется парадигматикой письменной системы языка L' , взятой за образец.

Если в языке L_i , для которого создается письменность, оказывается больше звуковых единиц, чем в языке L' , письменность которого берется за образец, то во вновь создаваемую письменность приходится вводить большее количество графических символов для выражения добавочных звуков, отсутствующих в языке-прототипе (ср. с этой точки зрения коптскую или армянскую системы по отношению к греческой или греческую по отношению к старосемитской).

Подобные добавочные графические символы, выражающие «дополнительные» с точки зрения языка-прототипа звуки, добавляются в определенной последовательности к основной части графем, отражающей парадигматику письменной системы, взятой за образец (ср. коптскую систему по отношению к греческой, греческую по отношению к старосемитской). Такие добавочные графические символы могут помещаться и попеременно с символами основной части, в результате чего во вновь создаваемой системе нарушается парадигматика исходной письменной системы (ср. армянскую систему по отношению к греческой).

В случае обратного соотношения, т. е. при большем количестве звуковых единиц в языке L' , письменность которого берется за образец, остается целый ряд избыточных символов, выражающих «излишние» с точки зрения языка L звуки.

Практически редки (возможно, исключены) случаи, когда звуковое множество одного языка целиком и полностью совпадает фонетически со звуковым множеством другого. Обычно в каждом из сравниваемых языков помимо некоторого множества фонетически сходных звуков выделяется определенная группа звуков, специфичных для каждого языка.

В таком случае во вновь создаваемой письменности происходит замена фонетических значений системы, взятой за образец, на специфичные для данного языка звуковые значения при сохранении мест в алфавитном ряду, унаследованных от парадигматики системы-прототипа (ср. в греческой системе места знаков для гласных и соответствующие места для ларингально-фарингальных согласных в старосемитской парадигматике; ср. также в готской парадигматике знаки для звуков $q h^u$ в сопоставлении с греческой системой, где на соответствующих местах представлены знаки для согласных t^h ps и др.).

Такая замена, субституция фонетических значений во вновь создаваемой письменности мотивирована тенденцией к сохранению парадигматики системы-прототипа в новой системе и к изоморфному воспроизведению тем самым буквенного выражения числовых значений исходной письменности ³⁷.

Добавочные знаки в этих системах также создаются путем графической модификации основных знаков или заимствования отдельных символов из других письменных источников (в некоторых случаях из более ранних письменных систем того же языка; ср. демотические знаки в коптском,

³⁷ С этой же целью в некоторых случаях во вновь создаваемой письменной системе сохраняются знаки, не выражающие никаких значений, помимо числовых. Такие знаки-эпиграфы характерны для самой греческой системы и для письменных систем, основанных на греческой (ср. в позднегреческой системе знак $\sigma\tau\iota\gamma\mu\alpha$ — «б», $\kappa\beta\lambda\alpha$ — числовое значение «90»; готский знак с числовым значением «90», готский знак с числовым значением «б» и др.).

рунические знаки в готской письменности и глаголические знаки в кириллице).

10.4. Совершенно иной путь оформления плана выражения письменности представляет случай, когда графические символы системы-прототипа переносятся во вновь создаваемую систему не в той же графической форме, а с некоторыми (возможно, значительными) графическими модификациями, которые изменяют, зачастую до неузнаваемости, первоначальную форму исходных знаков системы-прототипа (ср. начертание знаков глаголицы в сопоставлении с греческим минускульным письмом).

Подобная графическая модификация взятой за образец письменной системы могла осуществляться сознательно, с целью скрыть зависимость и связь вновь создаваемой письменности с системой письменности-прототипа.

Крайнее выражение этой тенденции представляет древнеармянская письменность «Еркатагир», в которой полностью заменяется план выражения греческой системы-прототипа. Графические символы «Еркатагира» изобретены в основном независимо от греческой графики в результате оригинального творчества его создателя с использованием различных негреческих графических образцов.

В этом отношении древнеармянская письменность противостоит типологически другим письменным системам, опирающимся на греческую письменность: коптской, готской и старославянской кириллице. В типологической группе письменных систем, основанных на греческом прототипе, рассматриваемые системы занимают крайние полюсы. Между ними может быть помещена старославянская глаголица, которая не полностью порывает графически с греческой системой, а представляет соответствующие знаки системы-прототипа в виде крайне модифицированных и графически стилизованных письменных символов.

К этой же типологической группе письменных систем, восходящих к греческому прототипу, следует отнести еще одну письменность — древнегрузинское письмо «Асомтаврули».

11.1. Создание древнегрузинской алфавитной письменности по образцу греческого письменного прототипа, происхождение ее от греческой системы письма можно установить на основании целого ряда внутренних структурных показателей древнегрузинской письменной системы.

11.2. Древнегрузинская письменность была создана для письменной фиксации грузинского языка определенного периода путем выражения основных звуковых единиц языка с помощью специальных графических символов.

Заметной спецификой звуковой системы грузинского языка на всем протяжении его развития является поразительный фонетический консерватизм системы, сохраняющей звуковую структуру грузинского языка древнейшего периода до наших дней без значительных фонетических преобразований. Этим и объясняется в большой степени то, что грузинская письменность сохраняет в полной мере однозначность соответствий между звуковыми единицами языка и графическими символами письма как в парадигматике, так и синтагматике, что является одной из основных характеристик вообще алфавитной системы письма при ее создании и на начальных этапах ее развития³⁸.

³⁸ Во многих изначально алфавитных системах письма, созданных для адекватного выражения звуковой стороны языка, в результате более или менее значительных преобразований звуковой системы написание слов уже не отображает полностью их реального произношения; звуковая синтагматика языка все более отделяется от графической синтагматики, отражавшей звуковой облик соответствующих слов при соз-

Как было отмечено выше, первым и обязательным этапом в процессе создания письменности и в особенности алфавитной системы письма является предварительная сегментация звуковой системы языка на отдельные звуковые единицы, которые должны быть выражены с помощью особых графических символов. В сущности от этого предварительного анализа звуковой стороны языка зависит характер и степень функциональной адекватности письменной системы звуковым противопоставлениям, которые должны быть выражены на письме. Чем более последователен и полон предварительный звуковой анализ языка, тем более совершенна письменность, отображающая его звуковой состав, тем более соответствует она целям графической фиксации языка.

Изучение с этой точки зрения древнегрузинской письменности «Асомтаврули» показывает, что создатель грузинского алфавита с поразительной точностью и полнотой передает звуковые противопоставления современного ему грузинского языка; с исчерпывающей полнотой учитывает он звуковой (фонемный) инвентарь, передача которого на письме необходима для адекватного письменного выражения грузинского языка.

Звуковой инвентарь грузинского языка настолько полно и адекватно отображен в древнегрузинской письменности «Асомтаврули», что в дальнейшем грузинская письменность не претерпевает особых структурных изменений (скажем, добавления знаков для обозначения звуковых противопоставлений, остававшихся невыраженными в старой системе, как это имело место, например, в позднегреческих системах письма по сравнению с архаической греческой системой).

11.3. Какая письменная система служит для создателя древнегрузинского алфавита моделью, письменным образцом, по которому были выделены в грузинском звуковые единицы и расположены в определенной последовательности, отражающей парадигматику системы-прототипа; по какой системе был построен вновь созданный грузинский алфавит? Это и есть в сущности проблема происхождения древнегрузинской письменности «Асомтаврули», сведенная к решению конкретной задачи — установлению того, на какую письменную систему опирается древнегрузинская письменность как на свою письменную модель или прототип, определивший ее строение и парадигматику.

В качестве системы-прототипа в указанном выше смысле для древнегрузинской письменности вообще можно было бы предположить два основных письменных источника — старосемитскую письменность (или вос-

дании алфавитной письменной системы и на ранних этапах ее развития, пока еще сохранялся древний фонетический облик слов (ср. [7, с. 7; 3, с. 11]).

В таких более поздних алфавитных системах графический облик отдельных слов представляет собой уже в сущности условный знак для выражения их звуковой стороны. Отдельные графические символы в таких системах могут выступать в синтагматике уже не как выразители отдельных звуков-фонем, а в качестве графических элементов некоторой синтагматической совокупности, выражающей звуковую сторону целого слова (ср., к примеру, написания отдельных слов в современном английском или французском).

Логическим завершением такого несоответствия в развитии фонетической стороны языка и древней синтагматики письма может быть превращение алфавитной по происхождению письменности в квазилогографическую систему с отдельными знаками или синтагматическими группами знаков, выражающими целые слова (при полном несоответствии между звуковыми значениями этих знаков и звуками, составляющими эти слова). Письменность как бы порывает всякую связь со звуковой стороной языка, превращаясь в независимую от языка систему с определенным количеством графических символов и особыми правилами синтагматики, отражающими древнюю звуковую синтагматику. Только в этом смысле можно говорить об автономности системы письма по отношению к звуковому языку (ср. [50, 51]).

ходящие к ней другие семитские письменные системы, ср. [52]) или греческую алфавитную письменность (или восходящие к ней другие алфавитные системы письма [28, 53] и др.).

11.4. В любом случае (т. е. при допущении семитского или греческого письменного прототипа) заранее ясно одно: при соотнесении этих систем со звуковыми единицами грузинского языка в грузинском, характеризующемся более богатым консонантизмом, выделилась бы целая группа согласных, не находящихся фонетических эквивалентов в сопоставляемых системах. Такие грузинские согласные можно считать «добавочными», специфическими звуками с точки зрения звукового состава системы-прототипа.

Таким образом, в процессе создания древнегрузинской письменности при соотнесении звуков грузинского языка со взятой за образец системой письменности все множество звуковых единиц грузинского языка должно было разделиться на две части. Первая и основная группа звуков определялась звуковыми единицами сопоставляемой системы: эти звуки должны были распределиться сообразно с парадигматикой системы-прототипа. Вторая группа звуков включала бы в себя звуковые единицы, специальные с точки зрения сопоставляемой системы-прототипа и поэтому добавочные по отношению к основной группе, определяемой характером исходной письменной системы. Поэтому проблема происхождения древнегрузинской письменности характеризуется двумя основными аспектами: это, во-первых, установление того письменного прототипа, по образцу которого должна была сформироваться основная часть грузинского алфавита, и, во-вторых, выявление тех письменных источников и принципов, по которым должна была быть образована дополнительная часть алфавитного ряда, добавляемая к основной части для создания единой письменной системы.

Таким образом, проблема происхождения древнегрузинской письменности получает на этом этапе исследования еще более конкретное содержание и сводится к выяснению того, по какому письменному образцу была сформирована основная часть древнегрузинского алфавита, или, точнее, какой письменный прототип — семитский или греческий — определил внутреннее строение и структуру «основной» и соответственно «добавочной» частей древнегрузинского алфавита.

Ясно, что принятие греческой или семитской письменной системы в качестве основного письменного образца и прототипа по-разному оформило бы «основную» и «добавочную» части вновь создаваемой письменности, придало бы этим составным частям единой системы различный характер с точки зрения их звукового состава и парадигматической структуры.

11.5. Сравнение с этой точки зрения семитской и греческой систем письма с грузинской письменностью выявляет генетическую связь последней с греческой системой и исключает происхождение ее от семитской системы письма. В процессе создания древнегрузинского алфавита греческая система письма должна была быть использована в качестве письменной модели, по образцу которой должны были быть выделены звуковые единицы в грузинском и распределены в определенной алфавитной последовательности. Допущение греческой системы в качестве письменного прототипа при создании древнегрузинского алфавита делает вполне понятными структуру и характер «основной» и «добавочной» частей древнегрузинского алфавитного ряда: в добавочной части оказываются лишь те звуковые единицы грузинского языка, которые не имеют фонетических соответствий в греческом.

Древнегрузинское письмо „Асomtаvрули“

совр. печатная форма	фонетическое значение	наименование	совр. печатная форма	фонетическое значение	наименование
Ⴀ	a	an	Ⴁ	r	rae
Ⴂ	b	ban	Ⴃ	s	san
Ⴃ	g	gan	Ⴄ	t'	tar
Ⴅ	d	don	Ⴆ	wi	wie
Ⴇ	e	en	Ⴈ	p ^h	p ^h ar
Ⴉ	v	vin	Ⴊ	k ^h	k ^h an
Ⴋ	z	zen	Ⴌ	ʒ	ʒan
Ⴍ	ej	he	Ⴎ	q'	q ^h ar
Ⴏ	t ^h	t ^h an	Ⴐ	š	šin
Ⴑ	i	in	Ⴒ	č	čin
Ⴓ	k'	k ^h an	Ⴔ	c	can
Ⴕ	l	las	Ⴖ	ʒ	ʒil
Ⴗ	m	man	Ⴘ	c'	cil
Ⴙ	n	nar	Ⴚ	č'	čar
Ⴛ	j	je	Ⴜ	x	xan
Ⴝ	o	on	Ⴞ	q ^h	q ^h ar
Ⴟ	p'	p ^h ar	Ⴀ	ž	žan
Ⴁ	ž	žan	Ⴂ	h	hae

При допущении семитской системы в основе древнегрузинской письменности ее «основная» и «добавочная» части характеризовались бы совершенно иной структурой и построением.

Вместе с тем следует отметить, что все те характерные структурные особенности, которыми греческая письменная система отличается от старосемитской и которые возникли на собственно греческой почве при создании греческой письменности из старосемитской или в процессе ее

последующего развития, всецело и полностью отражены в древнегрузинском алфавите. Все это явственно свидетельствует о происхождении древнегрузинской алфавитной системы из греческой письменности, а не непосредственно из семитской системы письма (см. с. 11).

Сопоставление древнегрузинской письменности с семитской и греческой системами выявляет отличный от семитского строй древнегрузинского алфавитного ряда и совпадение его в основном с греческой парадигматикой, которая и должна была послужить письменной моделью для создателя древнегрузинского алфавита. Девятая буква древнегрузинского алфавита *t^han* с фонетическим значением [t^h] и числовым значением «9», выступает в качестве эквивалента знака θήτα греческой системы (фонетическое значение [t^h], числовое значение «9»). Характерно, что на соответствующем месте в старосемитской письменности стоит знак [t^h], выражающий эмфатический (непридыхательный) согласный [t]. Этот знак переходит в греческую систему в значении п р и д ы х а т е л ь н о г о [t^h], тогда как семитский знак *t^haw* для придыхательного [t^h] заимствуется в греческий для обозначения греческого н е п р и д ы х а т е л ь н о г о [t] (см. об этом выше).

Древнегрузинский алфавит и в этом отношении отражает специфику греческой системы, а не ее прототипа — старосемитской. В древнегрузинской парадигматике на девятом месте представлен знак *t^han* с фонетическим значением п р и д ы х а т е л ь н о г о [t^h], а не глоттализированного [t'], чего бы следовало ожидать, ввиду фонетической близости глоттализированного [t'] и эмфатического [t], в случае использования в качестве системы-прототипа старосемитской письменности. В то же время глоттализированное (непридыхательное) [t'] в грузинской системе выражается знаком *t'ar* (числовое значение «300»), соответствующим именно греческому τὰ (числовое значение «300»), который обозначает непридыхательное греч. [t] (в отличие от своего семитского прототипа *t^haw* в значении придыхательного [t^h]).

Аналогичным образом, в парадигматике древнегрузинской системы на местах, соответствующих греческим χάππα (числовое значение «20») и πί (числовое значение «80»), представлены символы *k'an* и *p'ar* (числовые значения соответственно «20» и «80»), выражающие глоттализированные (непридыхательные) согласные [k'] и [p'], а эквивалентами греческих знаков φῖ (числовое значение «500», фонетическое значение [p^h]) и χῖ (числовое значение «600», фонетическое значение [k^h]) выступают символы *p^har* и *k^han* (числовые значения соответственно «500» и «600»), выражающие, в полном соответствии с греческим прототипом, придыхательные согласные [p^h] и [k^h]³⁹.

В случае использования при создании древнегрузинской системы письма старосемитской письменности было бы естественно ожидать совершенно иной парадигматики смычных, иного распределения знаков для глоттализированных и придыхательных согласных в соответствии с парадигматикой системы-прототипа. В частности, в таком случае следовало бы ожидать распределения грузинских придыхательных /p^h t^h k^h/, фонетически соотносимых с семитскими придыхательными /p^h t^h k^h/, в соот-

³⁹ В процессе фонетического отождествления звуков грузинского языка со звуковыми единицами системы-прототипа глоттализированные согласные /p' t' k'/, характеризующиеся фонетически отсутствием придыхания, были, очевидно, приравнены к греческим глухим непридыхательным π τ χ, тогда как грузинские придыхательные /p^h t^h k^h/ естественным образом были сопоставлены с соответствующими древнегреческими глухими придыхательными смычными φ θ χ.

ветствующих этим последним местам парадигматического ряда; то же самое касается и грузинских глоттализированных /t' k'/, близких фонетически к семитским эмфатическим *ṭ* и *q*. Они должны были бы занимать не те места в парадигматике, какие засвидетельствованы в исторической системе (числовые значения соответственно «300» и «20»), а места, соответствующие семитским *ṭ* и *q*. Знак для глоттализированной фонемы /p'/, не имеющей фонетического эквивалента в семитском, должен был бы оказаться где-то в «дополнительной» части парадигматической системы.

Отражение в парадигматике древнегрузинской письменности изменений, возникших при преобразовании старосемитской системы в греческую, а также в процессе последующего развития греческой письменности, является явным свидетельством зависимости древнегрузинской парадигматики от греческой письменности, послужившей ей в качестве системы-прототипа, в соответствии с которой и были выделены и распределены в определенном порядке звуковые единицы во вновь создаваемой системе.

11.6. Пятнадцатая буква древнегрузинского алфавита *je*, с фонетическим значением [i] и числовым «60», стоит в алфавитном ряду на месте, соответствующем греческому знаку ξῖ (фонетическое значение [ks], числовое значение «60»). Этот знак выражает неслоговой вариант сонанта /i/ в архаической системе грузинского языка; слоговой вариант [i] той же фонемы выражался специальным знаком *in*, который в грузинском алфавите представлен на месте, соответствующем знаку ιὼτα греческой системы.

В случае с символом *je* налицо полное несоответствие между фонетическими значениями этого знака древнегрузинской системы и его парадигматическим эквивалентом в греческой системе ξῖ, занимающим пятнадцатое место в алфавитном ряду (числовое значение «60»), но выражающим специфическое для греческого фонетическое значение [ks] (в отличие от фонетического значения [i] соответствующего символа грузинской системы).

При составлении парадигматики древнегрузинской письменной системы парадигматическому эквиваленту греческого ξῖ в грузинском было приписано фонетическое значение [i] при замене первоначального значения греческого знака-прототипа [ks], «излишнего» с точки зрения фонетики грузинского языка.

И в этом факте недвусмысленно проявляется греческая основа древнегрузинского алфавита. При использовании старосемитской системы в качестве прототипа для древнегрузинской системы в этом месте алфавитного ряда следовало бы ожидать знака для обозначения свистящего спиранта [s], поскольку в соответствующем месте старосемитской системы стоит знак *sāmek*^h, выражающий свистящий спирант [s], фонетически схожий с грузинским свистящим спирантом [s]. Замена этого значения в древнегреческой системе на [ks], объясняемая особенностями развития архаической греческой системы письма, делает понятной субституцию фонетических значений [ks] → [i] уже при составлении древнегрузинской парадигматики на основе греческой. Полное устранение этого знака из грузинской парадигматики вызвало бы смещение числовых значений последующих знаков и тем самым нарушение системы числовых значений греческой системы-прототипа. Во избежание этого эквивалент греческого знака оставляется на соответствующем месте древнегрузинской парадигматической системы с соответствующим числовым, но специфичным для грузинской системы фонетическим значением.

Подобная субституция фонетических значений системы-прототипа фонетическими значениями, характерными для языка с вновь создаваемой письменностью, является одним из приемов сохранения в новой системе письма строя и парадигматики письма, взятого за образец. Очевидными примерами подобной процедуры могут служить фонетические субституции и замены, которые были осуществлены в коптской и особенно готской системах письма по сравнению с прототипной греческой письменностью.

11.7. Шестнадцатая буква древнегрузинского алфавита *on*, с фонетическим значением [o] и числовым значением «70», соответствует знаку $\delta \mu \kappa \rho \upsilon$ греческой системы с теми же значениями. Символ *'ajin*, выразивший в старосемитской системе ларингальный согласный /'/ и преобразованный в архаическом греческом в знак для обозначения гласного [o], выступает в древнегрузинской системе, наподобие греческой, для выражения именно вокалической фонемы [o].

Графические символы *an*, *en*, *in*, *on*, выражающие в древнегрузинской системе письма гласные звуки и занимающие в парадигматике те же места, что и соответствующие знаки греческой системы, являются очевидным доказательством связи древнегрузинского алфавита с греческим в смысле использования последнего в качестве системы-прототипа для выделения звуковых единиц грузинского языка и их расположения в определенном парадигматическом порядке. Именно в греческом были впервые созданы особые знаки для выражения собственно гласных фонем, что превратило древнегреческое письмо, берущее начало от старосемитской консонантно-силлабической письменности, в последовательно алфавитную систему письма.

11.8. Восемнадцатая буква древнегрузинского алфавита *zap*, с фонетическим значением [z] и числовым значением «90», занимает в парадигматике древнегрузинской письменности место, соответствующее греческому знаку $\chi \omicron \rho \varsigma \alpha$ (числовое значение «90»).

Появление фонетического значения [z] в части древнегрузинского алфавита, соответствующей греческой парадигматике, может показаться на первый взгляд даже неожиданным, ввиду отсутствия в греческом фонеме типа шипящего спиранта [z]. Но это звуковое значение связалось в древнегрузинском алфавите с символом, соответствующим парадигматически греческому знаку $\chi \omicron \rho \varsigma \alpha$, поскольку $\chi \omicron \rho \varsigma \alpha$, восходящий к старосемитскому знаку $q \ddot{o} r^h$, в сравнительно поздней греческой системе был лишен конкретного фонетического значения и употреблялся только для выражения числового значения «90» (см. выше). И в этом случае заимствующая система избегает устранения из алфавитного ряда системы-прототипа конкретного знака, хотя и лишенного определенного фонетического значения, дабы сохранить ее парадигматику и не нарушить систему соответствий числовых значений последующих знаков⁴⁰.

Следует отметить, что вытесненный из древнегреческого алфавитного ряда семитский знак *šādē*, стоящий в старосемитской парадигматике

⁴⁰ Характерно, что в готском алфавите на соответствующем месте в алфавитном ряду стоит восходящий к греч. $\chi \omicron \rho \varsigma \alpha$ графический символ без определенного фонетического значения, но с числовым значением «90». Аналогичную ситуацию можно предположить и для раннего состояния древнегрузинского алфавита. Этот восходящий к греч. $\chi \omicron \rho \varsigma \alpha$ знак в системе древнегрузинской письменности был, вероятно, первоначально лишен конкретного фонетического значения и употреблялся лишь в качестве эписемона в числовом значении «90». Конкретное фонетическое значение [z] было приписано этому знаку лишь позднее, в период появления, очевидно, из иностранного источника, фонемы [z] в звуковом составе древнегрузинского языка.

перед знаком $q\bar{o}p^h$, не находит отражения в этой части древнегрузинской системы, что опять же свидетельствует в пользу составления древнегрузинского алфавита на основе древнегреческой, а не старосемитской системы.

Дело в том, что в архаической греческой системе знак, восходящий к сем. $\$ādē$, употреблялся первоначально для выражения спиранта [s]. Позднее этот знак выпал из алфавитного ряда, поскольку греческий спирант [s] стал обозначаться знаком $\sigma\acute{\iota}\mu\alpha$, берущим начало от ст.-сем. $\$in$. Греческий алфавитный ряд несколько «уплотнился» в результате выпадения из системы знака-эквивалента сем. $\$ādē$, который позднее дополнил греческую парадигматику в качестве последнего, двадцать седьмого знака-эписемона с числовым значением «900» (см. выше).

Это — единственный в греческой системе случай выпадения определенного знака с соответствующего места в парадигматике (а не сохранения его в алфавитном ряду с заменой первоначального фонетического значения или путем употребления его в качестве эписемона). В результате этого числовые значения греческой системы оказываются в этом месте парадигматического ряда смещенными на одну ступень вверх по сравнению со старосемитской системой. Числовое значение «90» в греческой системе выражается знаком $\kappa\acute{o}\mu\mu\alpha$, а значение «100» выражено следующим за ним знаком $\rho\acute{o}$, тогда как в семитской системе «90» выражается знаком $\$ādē$, а следующий за ним $q\bar{o}p^h$ (прототип греческого $\kappa\acute{o}\mu\mu\alpha$) выражает значение «100».

Если бы за основу древнегрузинского алфавита мы приняли старосемитскую систему и отождествили грузинский знак $\$an$ (фонетическое значение [ž], числовое значение «90») с сем. $\$ādē$ (фонетическое значение [š], числовое значение «90»), оставался бы непонятным вопрос, почему в древнегрузинской письменности не отразился следующий за $\$ādē$ семитский знак $q\bar{o}p^h$ с фонетическим значением [q] и числовым значением «100»⁴¹.

Старосемитский знак $q\bar{o}p^h$ обозначал эмфатический велярный смычный [q], фонетически близкий к ряду грузинских звуков, которые нуждались в графическом выражении (таких, например, как глоттализированные [k'] или [q']). То же можно сказать и о фонетическом значении эмфатического š, выражаемом семитским знаком $\$ādē$, у которого, возможно, нашлись бы фонетические эквиваленты в звуковом составе грузинского языка (такие, как аффрикаты c, c', č, č'). Но этот семитский знак не отразился на соответствующем месте древнегрузинской парадигматики по той простой причине, что он не был представлен в этом месте парадигматики системы-прототипа, что опять-таки приводит нас к греческому алфавиту.

В отличие от этого греческий знак $\kappa\acute{o}\mu\mu\alpha$, который продолжает семитский символ $q\bar{o}p^h$, был перенесен в грузинскую систему на соответствующее греческому место с числовым значением «90».

11.9. Двадцатая буква древнегрузинского алфавита sal , с фонетическим значением [s] и числовым «200», соответствует греческому знаку $\sigma\acute{\iota}\mu\alpha$, имеющему те же значения и занимающему в древнегреческой парадигматике двадцатое место.

Греческий знак $\sigma\acute{\iota}\mu\alpha$, выражающий глухой свистящий спирант [s], берет начало от семитского $\$in$, который в семитском выражал шипящий

⁴¹ За знаком $\$an$ (числовое значение «90») в древнегрузинском алфавитном ряду следует знак gae с фонетическим значением [g] и числовым значением «100», что в точности отражает греческую парадигматику $\kappa\acute{o}\mu\mu\alpha$ «90» — $\rho\acute{o}$ [r] «100».

и/или свистяще-шипящий спирант *s/š*. Вместо выражения чуждого греческому шипящего спиранта [š] знак *σίγμα* был использован в древнегреческом алфавите для обозначения единственного в греческом свистящего спиранта [s]. И именно в этом фонетическом значении, т. е. для обозначения свистящего спиранта [s], употребляется в древнегрузинском алфавите знак *sal*, соответствующий парадигматически греческому *σίγμα* и семитскому *šīn*. Грузинский алфавит и в этом случае отражает те преобразования, которые произошли в греческой системе по сравнению со старосемитской, что указывает на непосредственную связь древнегрузинской системы с греческой, минуя старосемитскую. При допущении использования в качестве системы-прототипа семитской письменности оставалось бы необъяснимым то обстоятельство, что семитский знак *šīn* был почему-то использован в грузинской системе для выражения свистящего спиранта [s], а не шипящего [š], который входит в звуковой состав грузинского языка и который поэтому должен был быть выражен на письме с помощью определенного графического символа.

11.10. Двадцать вторая буква грузинского алфавита *vie* (числовое значение «400») выступает в древнегрузинской письменной системе в качестве графического символа, фонетическое и числовое значения которого полностью определяются греческим прототипом *ὅ φίλον*. Греческая система определяет как место этого знака в алфавитном ряду, так и его фонетическое значение и функциональное назначение в древнегрузинской письменной системе.

Фонетическое значение этого греческого знака [ū], чуждое звуковому составу грузинского языка, переносится на соответствующий знак грузинской системы в виде сегмента [ɥi], фонетически родственного палатализованному гласному звуку [ū] (ср. частое чередование сегментов [ū] ~ [ɥi] в отдельных языках).

Другим, более архаичным фонетическим значением греческого знака *Υ* было выражение неслогового сегмента [ɥ] в дифтонгах типа *AY* [aɥ], *EY* [eɥ]. Аналогичное употребление древнегрузинского знака *vie* в сегментах типа [aɥ], [eɥ] должно отражать именно эту специфику древнегреческого знака.

Тот же знак *vie* в графической комбинации со знаком *on* применяется в древнегрузинской письменной системе для выражения гласной фонемы [u].

Обозначение гласного [u] в древнегрузинской письменности диграфом [ou] продиктовано целиком правилами древнегреческой орфографии (ср. в этом отношении аналогичное графическое средство выражения гласного [u] в древнеармянской и старославянской системах письма).

Синтагматическая комбинация знаков *OY*, которая в архаическом греческом передавала дифтонг [ou], уже довольно рано превращается в диграф для выражения долгой гласной [ū], возникшей в результате монофтонгизации дифтонга [ou]. При переходе в этих диалектах первоначальной гласной [u], выражавшейся знаком *ὅ φίλον*, в свою палатализованную разновидность [ū] комбинация знаков *OY* становится единственным графическим способом передачи непалатализованного гласного [u] (см. выше). Именно этот графический способ обозначения гласного звука [u], отражающий естественные фонетические преобразования в греческой системе, лежит в основе графической передачи гласного [u] с помощью синтагматической комбинации знаков [ou] в древнегрузинском алфавите (а также в других письменных системах, опирающихся на греческий письменный прототип).

Следует отметить, что двадцать третий знак $\delta \phi \lambda \delta \nu$ в архаической греческой системе является дополнительным по сравнению со старосемитской системой из двадцати двух графических символов, введенным в архаическую греческую систему для выражения гласного [u] (а также и неслогового сегмента μ). Древнегрузинский алфавит в случае знака ν в точности и во всех деталях повторяет особенности этого специфически греческого дополнительного знака, что свидетельствует о непосредственных связях в указанном выше смысле между греческой и древнегрузинской системами письма.

11.11. Двадцать третья ($p^h ar$) и двадцать четвертая ($k^h an$) буквы древнегрузинского алфавита, с фонетическими значениями соответственно [p^h] и [k^h] и числовыми значениями «500» и «600», совпадают фонетически и функционально с греческими символами ϕ и χ , у которых в старосемитской системе не находится графических прототипов. Эти знаки представляют собой «дополнительные» по отношению к старосемитской системе графические символы, созданные уже позднее на собственно греческой основе для обозначения придыхательных звуков [p^h] и [k^h], которые оставались не выраженными специальными знаками в архаической греческой системе письма с ее двадцатью тремя графическими символами, основанными непосредственно на знаках старосемитской письменной системы.

Последние три графических символа древнегрузинского алфавита (γan , $q^h ar$ и $\check{s} i n$), с фонетическими значениями [ɣ], [q^h] и [š] и числовыми значениями соответственно «700», «800» и «900», выступают в системе парадигматическими эквивалентами греческих знаков ψ [ps], ω [mɛɣa] [ō] и $\sigma \acute{\alpha} \mu \mu \iota$, завершающих греческий алфавитный ряд с числовыми значениями соответственно «700», «800» и «900». Этим графическим символам в древнегрузинской системе были приписаны специфические для грузинского фонетические значения [ɣ], [q^h] и [š], отсутствующие в греческом, вместо выражаемых соответствующими прототипными греческими знаками специфических для греческого фонетических значений [ps], [ō], «излишних» с точки зрения звукового состава грузинского языка. В случае этих трех графических символов, завершающих алфавитный ряд греческой системы-прототипа, следует допустить такую же субституцию фонетических значений в процессе составления древнегрузинского алфавита, как и при оформлении некоторых других знаков парадигматики, разобранных выше.

11.12. Рассмотренные выше двадцать семь графических символов древнегрузинского алфавита, отражающие парадигматику греческой письменности, распределяются в системе, в полном соответствии с греческим прототипом, по трем группам из девяти знаков каждая, выражающим соответственно «единицы», «десятки» и «сотни». Наподобие того, как $9 \times 3 = 27$ графических символов греческой системы выражали последовательно «единицы», «десятки» и «сотни», первые $9 \times 3 = 27$ знаков древнегрузинского алфавита, возникшие по образцу греческой системы, обозначают соответственно «единицы», «десятки» и «сотни»⁴²:

⁴² Небезынтересно отметить, что двадцатичная система счета в грузинском выражается десятичной системой на письме, что является некоторым несоответствием между системой счета (*Zahlsprache*) и ее письменным выражением (*Zahlschrift*). Нормальный для греческого десятичный принцип числовых значений, отражающий десятичную систему счета в греческом, заимствуется в грузинском, характеризующемся, однако, двадцатичной системой счета.

Греч.		Груз.	Греч.		Груз.	Греч.		Груз.
a	1	a	i	10	i	r	100	r
b	2	b	k	20	k'	s	200	s
g	3	g	l	30	l	t	300	t'
d	4	d	m	40	m	u	400	wi
e	5	e	n	50	n	p ^h	500	p ^h
(v)	6	v	ks	60	j	k ^h	600	k ^h
z	7	z	o	70	o	ps	700	γ
ē	8	e ^j	p	80	p'	ō	800	q'
t ^h	9	t ^h	(q)	90	ž	—	900	š

12.1. Двадцать седьмым знаком *šin*, выражающим фонетическое значение [š] и числовое значение «900», заканчивается та часть древнегрузинского алфавитного ряда, которая была упорядочена по образцу древнегреческой письменной системы. В этой части парадигматической системы древнегрузинской письменности распределились в определенной последовательности и выразились соответственно графическими символами те звуковые единицы грузинского языка, у которых в греческой системе оказались фонетически близкие корреляты, а также некоторые специфически грузинские звуки, занявшие в алфавитном ряду места греческих символов со специфически греческими фонетическими значениями (или места знаков, выражавших в греческой системе только числовые значения).

Поскольку звуковая система грузинского языка характеризуется большим количеством звуковых единиц, в частности консонантных, чем греческая, после установления звуковых соотношений и распределения определенного множества звуков по образцу греческого алфавитного ряда в грузинском должны были оставаться еще некоторые звуки, не находящиеся в греческом соответствующих фонетических коррелятов⁴³.

Такие грузинские звуки создают специфическую группу звуковых единиц, которая в виде некоторой «дополнительной» части приставляется к «основной» части алфавитной системы, оформленной и упорядоченной в соответствии с парадигматикой греческой системы-прототипа.

Эта «основная», соответствующая греческой системе часть грузинского алфавитного ряда определяется последовательностью знаков от *an* (числовое значение «1») до *šin* (числовое значение «900»), а начиная со следующего, двадцать восьмого знака — *č'in* (фонетическое значение [č], числовое значение «1000») в древнегрузинском алфавите представлены «специфически» грузинские, отличные от греческого «дополнительные» звуки и выражающие их графические символы.

12.2. Поскольку звуковой состав древнегрузинского языка характеризовался большим, чем $9 \times 3 = 27$, количеством звуковых единиц, стало возможным создать более совершенную, чем древнегреческая, систему выражения числовых значений с помощью алфавитной письменности, в частности путем добавления к системе из $9 \times 3 = 27$ знаков «дополнительных» графических символов для обозначения «тысячных». Для выражения полного ряда «тысячных» было необходимо и достаточно ввести дополнительно девять графических символов, дабы общее число букв в алфавитной системе составило $9 \times 4 = 36$ единиц. Именно

⁴³ Подобные специфически грузинские языковые единицы должны были оставаться и после того, как несколько подобных звуков были уже распределены в грузинском алфавитном ряду в части, соответствующей греческой системе, в виде субститутов специфически греческих звуков.

такие девять графических символов, выражающих «специфически» грузинские, отличные от греческого звуковые единицы, добавляются к основной, упорядоченной по греческому образцу части древнегрузинского алфавита для обозначения на письме всех возможных звуковых различий грузинского языка и создания полной системы числовых значений, выражаемых особыми графическими символами для «единиц», «десятков», «сотен» и «тысяч».

Эта дополнительная часть древнегрузинского алфавита представлена в следующей последовательности графических символов с выражаемыми ими фонетическими и числовыми значениями:

Знак	Фонет. знач.	Числ. знач.	Наиме- нование
h	ჲ	1.000	ჲიპ
C	c	2.000	ცაპ
ძ	ჟ	3.000	ჟილ
Ɔ	c'	4.000	ც'ილ
Ɔ	ჳ	5.000	ჳაჲ
Ϸ	x	6.000	ჲაჲ
Ϸ	q ^h	7.000	q ^h აჲ
Ϸ	ჴ	8.000	ჴაჲ
Ϸ	h	9.000	hაჲ ⁴⁴

Таким образом, в «дополнительной» части древнегрузинского алфавита помещаются графические символы и выражаемые ими звуковые единицы, у которых не находится фонетических коррелятов в греческой

⁴⁴ Первоначально в древнегрузинской системе письма знак *hაჲ* был, очевидно, эпиграммой, т. е. символом, выражавшим только числовое значение «9000», сообразно с тридцатью шестым местом, занимаемым им в алфавитном ряду (ср. аналогичную функцию знаков *χβη* и *σϷπ* в классической греческой системе, а также знака с числовым значением «90» в готской). В период создания древнегрузинского алфавита звук [h], очевидно, не являлся фонемной единицей языка и появился в грузинском позднее, в результате определенных позиционных преобразований велярного спиранта [x] (по всей видимости, не ранее VI—VII вв. н. э.). С появлением фонемы [h] в грузинском это фонетическое значение было приписано знаку-эпиграмме, свободному до того от фонетического значения (ср. выше аналогичное предположение в отношении знака *ჴაჲ*).

системе и которые с этой точки зрения оказываются специфически грузинскими звуками, не характерными для греческого языка⁴⁵.

12.3. Легко видеть, что характер и состав «основной» и «дополнительной» частей алфавитного ряда всецело зависят от характера взятой за образец системы-прототипа. Конкретные фонетические характеристики «основной» и «дополнительной» частей древнегрузинского алфавитного ряда полностью мотивированы фонетическими характеристиками греческой парадигматической системы; представленные в заключительной части древнегрузинского алфавита звуковые единицы являются «специфически грузинскими» ввиду их нехарактерности для звукового состава греческого языка. Эти же звуки могли оказаться фонетически схожими (и в этом смысле не «специфически грузинскими») со звуками какой-либо другой системы, принятой за письменный прототип, и поэтому попасть в «основную» часть алфавитного ряда. Так, например, в случае использования семитской системы в качестве письменного образца при составлении древнегрузинской письменности такие грузинские звуки-фонемы, как [š], [c'], [q'] и обозначающие их графические символы, у которых обнаруживаются фонетические корреляты в семитских языках (в виде звуков, выражаемых знаками *šin*, *šādē*, *qōp^h*), должны были бы оказаться среди графических символов основной части, в пределах первых двадцати двух знаков, которые бы отражали систему старосемитской письменности.

12.4. В действительности старосемитская система письма (вероятно, ее арамейская разновидность) могла быть использована в процессе создания древнегрузинского алфавита в основном при выделении специфически грузинских звуков [š], [q'], [c], [c'], [x] и др., остававшихся неотожествленными на основании греческой системы, и при отнесении их к «дополнительной» части древнегрузинского алфавита. Такие звуки могли быть выделены в грузинском и соответствующим образом выражены с помощью графических символов на основании отождествления их с фонетически схожими семитскими звуками [š], [q], [s], [x]. В случае грузинских *q'ar* (фонетическое значение [q']) и *c'ar* (фонетическое значение [c']) можно предположить и графическое влияние семитских символов *qōp^h* и *šādē* при оформлении соответствующих грузинских письменных знаков (ср. [54]). Однако несмотря на следы подобного влияния семитской письменности, обнаруживаемые в отдельных графических символах «дополнительной» части древнегрузинского алфавитного ряда и выражаемых ими звуковых единицах, эта часть древнегрузинской письменности не была, очевидно, оформлена целиком по образцу какого-либо одного определенного письменного прототипа.

12.5. Распределение графических символов и выражаемых ими «специфически» грузинских звуков в этой части древнегрузинской письменности следует определенному фонетическому принципу [звонкая аффриката [ʒ] в центре группы — глухие придыхательные аффрикаты [č c] перед этой фонемой и (глухие) глоттализированные аффрикаты [č' c'] после нее]. Далее следуют поствогальные согласные [x] и [q], которые соотносятся с согласными *γ*, *q'*, *š*, завершающими «основную» часть алфавитного ряда. Всю эту группу согласных завершает аффриката [ʒ] и выражающий ее графический символ *žal*, за которым в алфавитном ряду сле-

⁴⁵ Интересно отметить, что в «дополнительной» части коптского алфавита, берущего начало от греческого, оказываются примерно те же звуки, что и в заключительной части древнегрузинского алфавитного ряда: *š*, *x*, *ž*, *č*.

дует символ *hae*, являвшийся, очевидно, первоначально знаком-эписемоном «9000», без какого-либо конкретного фонетического значения:

Такое фонетически осмысленное распределение звуковых единиц в «дополнительной» части древнегрузинского алфавита, не имеющей определенного письменного прототипа, свидетельствует о знакомстве создателя древнегрузинской письменности с определенными принципами фонетической классификации звуков.

В частности, распределение аффрикат в последовательности [č с ž č' с'] [со звонкой аффрикатой [ž] в середине и придыхательными и глоттализированными (непридыхательными) аффрикатами по обе стороны от нее] может отражать фонетический принцип классификации звуков у Дионисия Фракийского на *δασέα* «густые» (т. е. «придыхательные», лат. *aspirata*: φ θ γ): *ψιλά* «голые», «простые» (т. е. «чистые непридыхательные», лат. *tenuēs*: π τ κ) и *μέσα* «средние», «срединные» (т. е. «звонкие», лат. *media*: β δ γ), которые характеризуются как *τῶν ψιλῶν μὲν δασύτερα, τῶν δὲ δασέων ψιλότερα* «более густые, чем чистые (согласные) и более чистые, чем густые (т. е. придыхательные согласные)». Именно такие характеристики обнаруживает звонкая аффриката [ž] в грузинском по отношению к придыхательным аффрикатам [č с], с одной стороны, и непридыхательным (глоттализированным) аффрикатам [č' с'], с другой. Звонкая аффриката [ž], являющаяся «средним» или «срединным» согласным (τὸ μέσον), была соответственно помещена в центре этой группы аффрикат (ср. [55]).

Любопытно, что и в основной части древнегрузинского алфавита грузинские звонкие смычные [b d g], как было отмечено выше, отождествляются с греческими звонкими β δ γ (т. е. «среди́нными», μέσα), грузинские придыхательные [p^h t^h k^h] приравняются к греческим придыхательным φ θ χ (т. е. «густым», दासा́), а грузинские глоттализованные, являющиеся фонетически непридыхательными согласными, сопоставляются с греческими чистыми (т. е. «непридыхательными», φιλá) согласными, π τ κ.

13.1. Названия букв древнегрузинского алфавита не повторяют наименований соответствующих знаков греческой системы-прототипа (или какой-либо другой письменной системы) и были, по-видимому, искусственно составлены как некоторые условные обозначения графических символов.

13.2. Названия знаков для гласных составлены путем прибавления к соответствующему гласному элемента *-n*: *an, en, in, on, un*.

Названия знаков, выражавших согласные звуки, оформились как односложные слова с различными гласными и с конечным -п: *ban, gan, don, vin, zen, tʰan, kʰan, man, san, kʰan, ʃan, šin, čin, can, xan, žan*.

Односложные названия семи букв характеризуются конечным *-r*: *nar*, *p'ar*, *t'ar*, *p'ar*, *č'ar*, *γar*, *qar*.

Названия двух знаков обнаруживают сонорную согласную *l* в качестве конечного элемента: *šil*, *č'il*; только одно название характеризуется конечным *s*: *las*.

Своеобразную двухсложную структуру образуют названия *rae* и *hae*. На гласную *e* оканчиваются также наименования *he*, *je* и *vie*⁴⁶.

13.3. Названия букв в алфавитном ряду распределены таким образом, что они создают впечатление рифмованной последовательности. Это было, несомненно, мнемотехническим средством, способствовавшим лучшему запоминанию алфавитного ряда. Интересно отметить, что названия букв древнегрузинского алфавита содержат в качестве конечных элементов сонорные согласные *-n*, *-r*, *-l* (в одном случае спирант *-s*), и именно эти согласные играют особую роль в рифмической клаузуле грузинского стиха, являясь здесь наиболее частыми консонантными элементами [56].

14.1. Графический анализ букв древнегрузинского письма и их сопоставление с соответствующими символами древнегреческой письменности обнаруживают их полное графическое несоответствие и несводимость друг к другу. При создании древнегрузинского письма греческая письменная система была взята, очевидно, за образец, по которому были выделены и распределены грузинские звуковые единицы, выраженные особыми графическими символами. Однако сами графические символы древнегрузинского алфавита не повторяют графической формы соответствующих знаков единовременного с ним греческого письма, как это имеет место, например, в коптском и готском алфавитах или славянской кириллице. Более того, некоторые знаки древнегрузинского письма обнаруживают такие графические черты, которые сближают их с начертанием графических символов именно архаического греческого письма (совпадающего в принципе с графикой финикийских писем). Такими знаками древнегрузинского письма, сближающимися с архаичным начертанием соответствующих графических символов древнегреческой системы, можно считать обращенные влево древнегрузинские знаки *ban* (ср. арх. греч. βῆτα), *gan* (при арх. греч. γάμμα), *en* (при арх. греч. ἐ φῖλον), *vie* (при арх. греч. δῖταγμα) и др. Однако большинство знаков древнегрузинского письма не обнаруживает никаких черт графического сходства вообще с начертанием соответствующих знаков греческой письменной системы.

14.2. Как следует объяснить графическое различие большинства знаков древнегрузинского письма и парадигматически соответствующих знаков древнегреческой письменности при сходстве некоторых знаков с ар-

⁴⁶ Не исключено, что некоторые из этих названий были оформлены под влиянием соответствующих наименований знаков из других письменных систем. Так, например, прототипом груз. *šin* могло быть и сем. *šin*, а по образцу *šin* могло оформиться название *šil*; ср. также груз. *zel* при сем. *zālin*; груз. *sal* при греч. (дор.) *σάλ*; груз. *he* при греч. ἦτα и др. (ср. [30, с. 197]).

Что касается сходства грузинского названия *in* с наименованием знака для гласного [i] в армянском *in*, то здесь мы имеем дело скорее со случайным совпадением названий, нежели с влиянием одной системы на другую. Если уж обязательно говорить о заимствовании этого названия из одной системы в другую (см. [37, с. 132]), то скорее следует допустить заимствование из древнегрузинской в армянскую, а не наоборот, поскольку в грузинском это наименование отражает особый принцип составления названий гласных (гласный звук + л: ср. груз. *al*, *en*, *in*, *on*, *il*), тогда как армянское *in* является единственным названием подобной структуры среди имен для гласных: ср. арм. *in*, *ajb*, *eč*, *e*.

халкескими греческими? Является ли такое графическое различие между этими системами результатом естественного развития и графической эволюции древнегрузинской системы, в процессе которой она должна была значительно отдалиться графически от начертаний знаков исходного для грузинского письма архаической греческой системы-прототипа?

При таком предположении мы должны были бы отнести образование древнегрузинского алфавита по греческому образцу к весьма ранней эпохе, когда была распространена архаическая греческая система письма, направленного справа налево, с обращенными соответственно влево письменными знаками и с целым рядом архаичных графических и фонетических особенностей.

Если даже отвлечься от трудностей культурно-исторического порядка, возникающих при допущении столь ранней хронологии возникновения древнегрузинской письменности «Асомтаврули»⁴⁷, сам факт отражения в древнегрузинской системе письма целого ряда графических и фонетических особенностей, возникших в греческой письменности значительно позднее⁴⁸, делает такое предположение маловероятным.

Следовательно, нужно допустить, что при создании древнегрузинской письменности в качестве письменного образца был использован архаический греческий алфавит с учетом тех графических и фонетических изменений, которые возникли в греческой системе в последующий период. Все это делает возможным предположить создание древнегрузинского алфавита искусственным путем, в результате сознательной архаизации и графической стилизации взятой за образец греческой графической системы.

Создатель древнегрузинской письменности берет в качестве письменного прототипа современную ему монументальную греческую письменность и производит ее стилизованную архаизацию, выразившуюся в повороте некоторых графических символов влево и в их графическом преобразовании. Наряду с этим создается целый ряд оригинальных графических знаков, не повторяющих начертания соответствующих букв греческой системы-прототипа⁴⁹.

⁴⁷ Самые ранние образцы древнегрузинской письменности «Асомтаврули» датируются первой половиной V в. н. э.

⁴⁸ В частности, такие отраженные в древнегрузинском алфавите черты греческой системы, возникшие уже после утверждения направления письма слева направо, как выпадение из системы знака, восходящего к сем. *zādē*, и появление характерных для греческого дополнительных знаков; переход гласной [u] в ее палатализованную разновидность [ü] и выражение комбинацией знаков ОУ гласного [u] и др.

⁴⁹ Представляется возможным анализировать графемы древнегрузинской монументальной письменности «Асомтаврули» как составленные из ограниченного числа исходных графических элементов. В качестве таких исходных графических элементов можно принять «прямую» и «полукругность». Путем разных сочетаний в пределах квадрата такой «прямой» и «полукругности», описываемых определенными правилами комбинаций, можно составить все графические символы древнегрузинского письма «Асомтаврули» (ср. [55—59]). Знаки письма «Асомтаврули» являются определенными геометрическими фигурами одинаковой высоты, составляемыми с помощью *ц* и *р* к у л я и л и н е й к и в пределах некоторого незримого квадрата. Исходные элементы этих фигур — «прямая» и «полукругность», комбинируясь друг с другом, заполняют целый квадрат или его половину. При этом «прямые» распределяются исключительно вдоль перпендикулярной срединной линии — «медианы» квадрата и по его горизонтальным и/или вертикальным катетам, составляя прямые углы. В этом выражается одно из кардинальных графических отличий древнегрузинского монументального письма от геометрических фигур древнегреческой монументальной письменности, которые также можно рассматривать, как сочетания «прямой» и «полукругности» в пределах геометрического квадрата, допускающие, однако, и наклонное положение «прямых», т. е. положение вдоль диагоналей квадрата (ср. [60]).

Таким путем создается совершенно оригинальная по начертанию знаков и внешне независимая монументальная письменность, связь которой с греческим письменным прототипом, определившим ее парадигматику и внутреннюю структуру, удается установить лишь в результате специального системного анализа грузинского письма.

14.3. Составитель древнегрузинского алфавита создает самобытную национальную письменность. Такая письменность должна быть, согласно древним представлениям, полностью оригинальной и независимой от какой бы то ни было иной, ранее известной письменной системы. Самым простым и естественным путем достижения подобной внешней самостоятельности системы было сознательное графическое преобразование знаков системы-прототипа и создание в ряде случаев совершенно новых и оригинальных графических символов для выражения и распределения в определенной алфавитной последовательности звуков языка, выделенных на основании и в соответствии с системой письменности-прототипа.

Аналогичные мотивы лежат, по-видимому, в основе создания М е с р о п о м М а ш т о ц о м оригинальных знаков древнеармянской письменности, сохраняющих общий монументальный характер греческого письма, но полностью отличных по начертанию от графических символов греческого письменного прототипа; очевидно, по той же причине знаки греческой минускульной письменности претерпевают стилизацию в старославянской глаголице, изменившей до неузнаваемости письменные знаки греческого прототипа. Все это делается для утверждения национальной самобытности вновь создаваемой письменности и демонстрации ее независимости от других письменных систем.

Такая тенденция привела создателя древнеармянского алфавита к почти полному отказу от использования греческих графических символов и созданию совершенно новых и оригинальных письменных знаков.

Создатель древнегрузинского алфавита выбирает несколько иной путь; он не порывает целиком связи с планом выражения письменности, взятой за образец, с начертанием знаков греческой системы-прототипа, а производит лишь графическую архаизацию и стилизацию знаков системы прототипа путем использования различных графических приемов. В результате создается новая и оригинальная письменная система, схожая с системой-прототипом начертанием некоторых графем, а также общей монументальностью письма и геометрическим характером графических символов.

Аналогичным образом действует и создатель древнеславянской г л а г о л и ц ы, производя сознательную стилизацию взятой за основу графики греческого минускульного письма ⁶⁰.

⁶⁰ Поскольку письменные знаки рассматриваемых систем представляют собой продукт свободного творчества их создателей, наши предположения о конкретных приемах графического оформления этих знаков всегда будут оставаться весьма условными и гипотетичными. Действительно, невозможно в точности установить, какие графические ассоциации могли возникать у создателя письменности в процессе изобретения того или иного графического символа. Наши выводы по этому вопросу отражают скорее субъективные впечатления исследователя, чем объективные процессы создания графических знаков древней системы письма.

Мы можем только смоделировать синхронную графическую взаимозависимость отдельных символов определенной письменности (см. выше о составлении всех графических символов древнегрузинской письменности из «прямой» и «полукружности»), но это вовсе не означает воссоздания картины той графической процедуры, которой придерживался создатель данной письменности при оформлении тех или иных графических знаков. Тем более не оправдано методологически делать на основании подобного графического анализа отдельных символов какие-либо заключения о происхождении и путях создания определенной письменности.

У авторов этих древних алфавитов одна цель — создать самобытную национальную письменность, но достигается эта цель в указанных системах различными графическими способами.

14.4. Создание самобытной национальной письменности диктуется общей тенденцией после христианизации страны к возрождению местной культуры на базе национального языка. Крещение народа и объявление христианства официальной религией страны подразумевало в то же время развитие широкой деятельности по переводу и распространению христианской литературы на национальном языке с помощью специально созданной для этих целей новой письменности [63]⁵¹. Так было это в случае создания коптской, готской, древнеармянской и старославянской систем письма. Аналогичные факторы должны были привести к созданию древнегрузинской национальной письменности «Асомтаврули».

15.1. Принятие древнегрузинского письма «Асомтаврули» в сущности за христианскую письменность и определение времени ее создания эпохой крещения и христианизации Грузии (IV в. н. э.) делают понятным целый ряд формально-структурных особенностей письма «Асомтаврули», которые оно проявляет по отношению к остальным письменностям восточнохристианского культурного мира: коптской, готской, древнеармянской и старославянской. Все названные письменные системы составляют единую типологическую группу письменностей, основанных на общем письменном прототипе — греческой системе письма — и характеризующихся целым рядом общих структурно-типологических черт.

15.2. С коптской и готской системами письма древнегрузинскую письменность объединяет принцип парадигматической зависимости от греческой системы-прототипа. В этом отношении названные письменные системы резко расходятся с древнеармянской письменностью.

В древнегрузинском алфавите, так же, как в коптском и готском, полностью отражен весь парадигматический ряд греческой системы; все $9 \times 3 = 27$ знаков греческого прототипа, которые характеризуются определенными фонетическими и числовыми значениями (или только последними — в случае знаков *στίγμα*, *κόπτα*, *σάφις*), перенесены в эти алфавиты в той же последовательности, с соответствующими фонетическими и числовыми значениями. Греческие эпиграфы переносятся в той же функции (т. е. только в качестве символов, выражающих определенные числовые

Весьма характерен в этом отношении метод анализа кавказских письменностей (древнеармянской, древнегрузинской, алуанской), применяемый С. Н. Муравьевым в своих многочисленных статьях (см. библиографию в работе [61]). Считая ряд знаков древнегрузинского письма (в частности, знаки для гласных) созданными путем «графической деривации» из соответствующих армянских гласных, автор «оглашает» в своей работе на этом основании вывод о создании древнегрузинской письменности из древнеармянской.

На базе аналогичного графического метода анализа отдельных символов древнеармянской и древнегрузинской письменностей (в данном случае знаков для согласных) Р. Натаридзе [62] еще задолго до С. Н. Муравьева приходит к прямо противоположному выводу о взаимоотношении этих письменностей — к заключению о происхождении древнеармянской письменности из древнегрузинской.

Все это наглядно показывает, насколько субъективны и произвольны заключения о происхождении той или иной письменности, основанные преимущественно на графическом анализе письменных знаков.

⁵¹ В этом отношении восточное греческое христианство резко расходится с Римской церковью, которая распространяла христианское мировоззрение в Западной Европе на базе латинского языка и латинской письменности, отказывая местным народам в праве перевода книг Священного писания на их языки и богослужения на родном языке (ср. [64, 65]).

значения, ср. коптские знаки в значениях «6» и «900», готские знаки с числовыми значениями «90» и «900») или они приобретают в новых системах характерные для данного языка специфические фонетические значения (ср. знак *fā* в коптском — фонетическое значение [f], числовое значение «90»; знак в готском с фонетическим значением [q^w] и числовым значением «6»; знаки *vie*, *žan*, *šin* в грузинском — фонетические значения соответственно [v], [ž], [š], числовые — «6», «90», «900» и др.).

Греческие знаки со специфическими с точки зрения этих систем греческими звуковыми значениями (такими, как [ks], [ps], [b] и др.) переходят во вновь создаваемые письменные системы с новыми фонетическими значениями, специфическими уже для звукового состава данных систем, с сохранением, однако, числовых значений системы-прототипа (ср. готские знаки с числовыми значениями соответственно «9», «60», «700» и фонетическими значениями [p], [j], [h^w]; древнегрузинские знаки *je*, *γan*, *q'ar* с числовыми значениями «60», «700», «800» и фонетическими значениями соответственно [z], [γ], [q']).

Путем подобной «фонетической субституции» и отражения на соответствующих местах в алфавитном ряду вновь создаваемой письменности всех графических символов системы-прототипа осуществляется в принципе сохранение парадигматики исходной системы письма, взятой за письменный образец. Тем самым парадигматика системы-прототипа как бы отображается на алфавитный ряд вновь создаваемой письменности.

В готском подобное «отображение» парадигматики греческой системы-прототипа на алфавитный ряд осуществилось без необходимости добавления к нему некоторого количества знаков со специфическими для готского фонетическими значениями. Такие специфические для готского фонетические значения уместились полностью в рамках парадигматики греческого прототипа в результате осуществления некоторых фонетических субституций. Поэтому готский алфавит содержит то же ($9 \times 3 = 27$) число графических символов, что и греческий прототип. Из них первые девять символов в алфавитном ряду выражают «единицы», следующие девять — «десятки» и заключающие алфавитный ряд девять графических символов — «сотни».

В коптском и древнегрузинском при отображении парадигматики греческой системы-прототипа на алфавитный ряд вновь создаваемой системы и осуществлении определенных фонетических субституций оставалось еще некоторое количество «специфических» звуковых единиц, которые должны были быть выражены на письме. Эти «специфические» звуки и обозначающие их графические символы были добавлены в качестве заключительной части алфавитного ряда к основной его части, отражающей парадигматику исходной системы-прототипа с $9 \times 3 = 27$ графическими символами. Посредством таких дополнительных знаков становится возможным в древнегрузинском алфавите выразить и числовые значения «тысяч».

Существенно отличный от этого парадигматический принцип лежит в основе древнеармянского алфавита, что противопоставляет его типологически коптской, готской и древнегрузинской письменным системам.

При составлении древнеармянского алфавитного ряда из парадигматики греческой системы-прототипа были предварительно устранены все эпиграфы (т. е. знаки, выражающие в греческом только числовые значения: *στίγμα*, *κόπια*, *σάμπι*), а также все графические символы, обозначающие специфические для греческого и нехарактерные для армянского звуки: *ḫ* (фонетическое значение [ks]), *ψ* (фонетическое значение [ps]), *ω* *μέγα*

(фонетическое значение [ō]). Представляется, что при составлении древнеармянского алфавита была осуществлена не фонетическая субституция специфических для греческого фонетических значений собственно армянскими звуками (как это имело место при создании коптской, готской и древнегрузинской письменностей), а редукция греческого алфавитного ряда на последовательность, содержащую лишь фонетические корреляты армянских звуковых единиц, которые должны были быть выражены особыми письменными знаками. Возникающая таким путем (т. е. после устранения специфических с точки зрения армянского фонетических значений в алфавитном ряду греческой системы-прототипа) греческая парадигматическая последовательность явилась исходным ядром фонетических значений, на основании которого сформировалась полная система древнеармянского алфавита путем добавления выраженных особыми графическими символами «специфически» армянских звуковых единиц.

Однако эти «специфически армянские» фонетические значения составляют не продолжение в алфавитном ряду «основной» части, отражающей редуцированную особым образом греческую парадигматику, а даются вперемежку с нею; символы «дополнительной» части вставляются в разных местах между графическими символами «основной» части, что и нарушает первоначальную, мотивированную греческим прототипом парадигматику и соответственно систему числовых значений, характерную для исходной греческой модели.

Принцип сохранения во вновь создаваемой письменной системе числовых значений письменности-прототипа, строго соблюдаемый в коптском, готском и древнегрузинском алфавитах, полностью отвергается создателем древнеармянской письменности, который использует греческую письменность лишь в качестве опорной системы для выделения соответствующих армянских звуковых единиц. Этим обстоятельством должно, очевидно, объясняться и то, что создатель древнеармянского алфавита при использовании в качестве образца греческой письменности не учитывает в ней графических символов, выражающих специфически греческие, излишние с точки зрения армянского звуки, а также и знаков-эписемонов, лишенных какого бы то ни было фонетического значения. По этой причине ядро греческого алфавита, лежащее в основе древнеармянской системы, определяется последовательностью символов от $\xi\lambda\phi\alpha$ (арм. *այբ*) до $\chi\iota$ (арм. *հէ*), за вычетом некоторых знаков со специфически греческими значениями в пределах этой последовательности. Между этими крайними знаками древнеармянского алфавитного ряда располагаются в разных местах вперемежку с графемами основной части все дополнительные символы, составившие совместно с графемами основной части совершенно новую, отличную от системы греческого прототипа парадигматику древнеармянской письменности⁵².

В результате полностью нарушается соответствие между греческой письменностью-прототипом и древнеармянским алфавитом в отношении выражения с соотносимыми графическими символами числовых значе-

⁵² Знак [š] в древнеармянском алфавитном ряду (числовое значение «500») не стоит на месте греческого $\xi\iota$, выражающего специфически греческое фонетическое значение [ks], не является его субститутом (ср. [37, с. 119]), а представляет собой символ «дополнительной» части, занявший место в последовательности первоначального ядра между знаками [n] и [o], соответствующими греч. $\nu\beta$ и ι $\rho\sigma\kappa\rho\nu$. То же касается и знака [j] (числовое значение «900»), который стоит в древнеармянском алфавитном ряду не на месте греч. $\mu\phi\pi\alpha$, а попадает в «первоначальной последовательности» между [p] и [t], соответствующими греческим символам $\pi\iota$ и $\rho\theta$.

ний, чем древнеармянская письменность резко расходится с коптской, готской и древнегрузинской системами письма, составляющими в этом смысле единый типологический класс.

15.3. Кроме единого принципа парадигматической зависимости от греческой системы-прототипа названные письменные системы сближаются друг с другом и по целому ряду других структурно-типологических характеристик.

Так, например, древнегрузинскую письменность с готской объединяет не только общий принцип сохранения парадигматики системы-прототипа путем фонетической субституции специфических звуковых значений исходной системы, но в одном случае и совпадение фонетического значения подобных субститутов.

В готском алфавите, как и в древнегрузинском, греческий знак ξι (фонетическое значение [ks], числовое значение «60») заменен соответствующими графическими символами, имеющими одно и то же фонетическое значение [j] (числовое значение «60») и проявляющими в то же самое время некоторое графическое сходство друг с другом: ср. гот. [j] «60» и др.-груз. [i] «60». Следует заметить, что замена греческого [ks] именно на [j] в обеих этих системах не может быть оправдана чисто фонетически, поскольку звуковые сегменты [ks] и [j] слишком отличны друг от друга по звучанию.

Такое совпадение в фонетическом значении субститутов греческого [ks] в обеих письменных системах может свидетельствовать скорее о наличии определенных исторических связей между ними.

Составитель древнегрузинского алфавита был, несомненно, знаком с современными ему письменными системами, среди них, возможно, и с готским алфавитом, данные которого он мог учесть при создании новой письменности⁵³.

В свете этого, возможно, не случайно и то, что названия некоторых букв древнегрузинского алфавита совпадают с наименованиями соответствующих знаков готской письменности. Так, например, название древнегрузинской буквы с фонетическим значением [l] и числовым значением «30» — *las*, стоящее фонетически обособленно по отношению к остальным наименованиям, очень походит на наименование *laaz* готского знака с фонетическим значением [l] и числовым значением «30», ср. также наименование графем груз. [v] *vin* и гот. [w] *winne*; груз. [m] *tan* (числовое значение «40») и гот. [m] *tanpa* (числовое значение «40»).

15.4. С точки зрения исторических взаимоотношений алфавитов христианской эпохи, основанных на системе греческой письменности, следует рассмотреть также и старославянские письменности г л а г о л и ц у и к и р и л л и ц у, относящиеся к той же типологической группе древних письменных систем.

В старославянской г л а г о л и ц е проводится в сущности тот же принцип парадигматической зависимости вновь создаваемой письменности от греческой системы-прототипа, что и в коптском, готском и древнегрузинском алфавитах.

Основная, соответствующая греческой системе часть глаголицы упорядочена по образцу греческого алфавита, с осуществленными в ней оп-

⁵³ Вестготы — восточная ветвь германского племени готов, принявшая христианство в IV в., — проживавого в это время в Северном Причерноморье. Уже по этой причине созданная Вульфиллой на греческой основе новая готская письменность могла быть известна народам соседних стран, и в частности создателю древнегрузинской письменности.

ределенными фонетическими субституциями. «Специфические», отличающиеся от греческого звуковые единицы представлены в системе в виде дополнительной части, завершающей алфавитный ряд и выражающей числовые значения «тысяч».

Для выделения таких «специфически» славянских звуков и их упорядочения в виде «дополнительной» части алфавита создатель глаголицы должен был учесть данные и других современных ему письменных систем. Среди таких систем могла быть и древнегрузинская письменность⁶⁴. Следы этого можно усмотреть в распределении в дополнительной части некоторых букв, выражающих «тысячи». Дополнительная часть глаголицы из девяти символов, выражающих «тысячи», начинается с графемы с фонетическим значением [č] (числовое значение «1000»), точно так же, как и в древнегрузинском алфавите, где дополнительная часть системы из девяти символов начинается с графемы с фонетическим значением [č] и числовым значением «1000». На шестом месте этой группы графем в глаголице стоит символ с фонетическим значением [x₁] и числовым значением «6000», как и в древнегрузинском алфавите, где на соответствующем месте алфавитного ряда представлен символ с фонетическим значением [x] и числовым значением «6000».

Такую историческую связь между древнегрузинским алфавитом и старославянской глаголицей считает возможным допустить Н. С. Трубецкой [47, с. 23]. В этом смысле характерна и последовательность в глаголице символов с «900» — č «1000» — š — «2000» (отразившаяся также и в кириллице в виде последовательности с — č — š), обратная последовательности соответствующих символов в древнегрузинской письменной системе: š «900» — č «1000» — с «2000».

15.5. Кроме сходства парадигматической структуры, древнегрузинскую письменность «Асомтаврули» и старославянскую «Глаголицу» объединяет также общий принцип отдаления графики вновь создаваемой письменности от графики системы-прототипа, с тем чтобы возникшая система характеризовалась всеми чертами «независимой национальной письменности», не похожей внешне на другие современные ей системы письма.

Крайним проявлением этого принципа явилась созданная Месропом Маштоцом древнеармянская письменность с полностью отличной от греческого прототипа графикой. Месроп Маштоц, опиравшийся при создании древнеармянской письменности на греческую систему письма, полностью меняет графику системы-прототипа и прибегает к иным графическим приемам для оформления соответствующих знаков новой письменности. Таким путем порывается всякая внешняя связь с греческим прототипом и создается видимость полной независимости и оригинальности вновь созданного письма.

Создатель древнегрузинского алфавита «Асомтаврули» в тех же целях осуществляет сознательную модификацию греческой системы-прототипа: он не порывает во вновь создаваемой системе связи с греческой графикой, а только преобразует ее путем нарочитой архаизации графики системы-прототипа и графической модификации соответствующих знаков. Этим составитель древнегрузинского алфавита достигает в принципе того же результата в деле создания оригинальной национальной письменности,

⁶⁴ О знакомстве создателя старославянского алфавита Константина-Кирилла с иберийской (древнегрузинской) письменностью можно заключить и по «Житию» Кирилла, согласно которому среди известных ему оригинальных азбук Константин-Кирилл упоминает и грузинскую (ср. [48, с. 129]).

что и М е с р о п М а ш т о ц, создававший оригинальную древнеармянскую национальную письменность на совершенно отличной от греческого прототипа графической основе.

Такие тенденции в восточнохристианском культурном мире, диктовавшиеся определенными политико-религиозными соображениями, приводят к созданию нескольких внешне отличающихся друг от друга письменных систем, опирающихся на греческую письменность, но проявляющих в то же время внешнюю графическую независимость по отношению к греческой системе-прототипу.

С этой точки зрения древнегрузинская письменность «Асомтаврули», древнеармянский «Еркатагир» и старославянская «Глаголица» подпадают под общий типологический класс, противопоставляясь коптской и готской письменностям, а также славянской «Кириллице», графическое выражение которых отражает графику современной им греческой письменной системы.

Но в то же самое время древнегрузинская письменность (так же, как и старославянская глаголица) резко расходится с древнеармянским алфавитом в отношении внутренней, парадигматической структуры письма. С точки зрения парадигматической зависимости от системы греческого прототипа древнегрузинская письменность (а также старославянская глаголица) типологически более близка к древнейшим образцам христианских письменностей — коптской и готской системам письма.

15.6. Определение древнегрузинского капитального письма «Асомтаврули» в качестве письменности христианской эпохи, составленной на основе греческого алфавита, естественно ставит вопрос о личности ее создателя: кем был человек, создавший на почве современного ему греческого алфавитного письма совершенно новую и оригинальную письменность монументального стиля в результате сознательной архаизации и модификации графики письма греческой системы-прототипа?

История сохранила нам имена гениальных создателей христианских письменностей — готского, древнеармянского и старославянского алфавитов. Это выдающиеся деятели своего времени — В у л ь ф и л а, М е с р о п М а ш т о ц и К о н с т а н т и н - К и р и л л. Но нам не известна достоверно личность того деятеля, который создал древнегрузинскую монументальную письменность «Асомтаврули», как не известно и имя создателя христианской коптской письменности.

Армянская историческая традиция связывает создание древнегрузинской письменности (а также и письменности кавказских албанцев) с деятельностью М е с р о п а М а ш т о ц а. Но на основании свидетельства той же исторической традиции можно заключить, что М е с р о п М а ш т о ц не знал грузинского языка, что полностью исключает возможность создания им грузинского письма.

Создание новой письменности, как было отмечено выше, не означает только изобретения и составления определенных графических символов письма; оно предполагает прежде всего глубокий лингвистический анализ, членение звуковой стороны языка и выделение отдельных его звуковых единиц, которые должны выразиться на письме соответствующими графическими символами. Это и есть логически первый и основной этап в процессе создания новой письменности, на котором в сущности основывается вся последующая процедура графического выражения отдельных звуков и их распределения в определенной последовательности в зависимости от алфавитного ряда системы-прототипа. Все это делает невозможным создание письменности для определенного языка человеком, не овладев-

шим основательно этим языком и не способным по этой причине осуществить его детальный фонетический анализ.

Нет объективных оснований считать М е с р о п а М а ш т о ц а и «инструктором» или «консультантом» в деле создания древнегрузинской письменности, который «делится с создателем новой письменности своим опытом и общими принципами» [37, с. 132; 66], поскольку древнегрузинский алфавит, как было показано выше, опирается на отличные от древнеармянского структурные принципы. Как парадигматика древнегрузинской системы, так и графические характеристики знаков письма проявляют в отношении зависимости от греческой системы-прототипа существенно отличную от древнеармянской системы картину, что само по себе уже исключает участие создателя древнеармянской письменности в составлении древнегрузинского письма хотя бы даже в роли «консультанта» [67].

Естественно допустить между христианскими древнегрузинской и древнеармянской письменностями одной и той же эпохи наличие определенных исторических связей и взаимовлияний, о чем мог бы свидетельствовать и обнаруживаемый в этих системах ряд сходных черт: ср. графику знаков груз. [k'] и арм. [k]; ср. также груз. [p^h] и арм. [p^h], груз. [k^h] и арм. [k^h], отражающие графику соответствующих знаков греческого прототипа; ср. наименования букв: груз. *k'an* — арм. *ken*; груз. *ban* — арм. *ben*; груз. *in* — арм. *in* и др. Однако направление таких влияний можно будет определить лишь с установлением точной даты создания древнегрузинской и древнеармянской систем письма.

Во всяком случае отдельные примеры таких возможных взаимовлияний не перекрывают существующих между древнегрузинской и древнеармянской системами принципиальных структурно-типологических различий, превращающих эти письменности, несмотря на их сходную по характеру графику монументального стиля, мотивированную, очевидно, графическим характером греческого письменного прототипа, в полярные системы в рамках единой типологической группы.

Грузинская историческая традиция связывает появление грузинского письма с деятельностью царя П а р и а в а з а (III в. до н. э.), который «ввел книжничество на грузинском языке». Хотя правдоподобность этого свидетельства грузинского историка XI в. Леонтия Мровели и оспаривается некоторыми учеными, однако вся культурно-историческая обстановка этого периода не исключает в принципе возможности существования в древней Иберии особого вида доалфавитного (?) грузинского письма. Такое «архаическое грузинское письмо» могло применяться в грузинском государстве дохристианской эпохи для записи текстов различного характера⁵⁵. С крещением Иберии и объявлением христианства официальной ре-

⁵⁵ «Архаическое грузинское письмо» и «книжничество на грузинском языке» может отражать тот вид «письма», который И. Гершенич [68] характеризует как «аллоглоттографию» (т. е. «инопоязное написание»), широко распространившуюся в ряде стран древнего Ближнего Востока, и в особенности в иранском мире. При системе «аллоглоттографии» текст или сообщение, диктуемые на одном языке, например, древнеперсидском, записываются на языке с особой письменностью, в данном случае эламском, и читаются адресатом (или адресату человеком, знакомым с эламским языком и эламской системой письма) не на эламском языке, на котором записан текст, а на первоначальном языке сообщения, в данном случае — древнеперсидском. Эламский язык и письменность выступают в таком случае в качестве некоторого языка-посредника, кодирующего первоначальное сообщение, составленное устно на древнеперсидском языке. Только позднее создается собственно древнеперсидская клинопись для непосредственной записи древнеперсидских текстов.

Для среднеперсидской эпохи подобным языком-посредником выступает уже не эламский, а широко распространившийся в ту эпоху арамейский язык с «консонантно-

лигией страны создается новая, алфавитная письменность на основе греческой системы письма, которая полностью вытесняет «архаическое грузинское письмо» дохристианского периода и становится господствующей письменностью с официальным статусом государственной и религиозной письменности христианской Иберии. С помощью этой новой, специально созданной национальной письменности осуществляются первые письменные переводы на грузинский язык книг Священного писания и создаются в дальнейшем оригинальные литературные произведения агиографического жанра ⁶⁶.

силлабической» письменностью. «Эламография», характерная для «книжничества» древнеперсидской эпохи, сменяется в среднеперсидскую эпоху «арамеографией», пришедшей впоследствии к арамейской «гетерографии» и идеографии среднеиранской эпохи.

По образному сравнению И. Гершевича, описанный метод записи устного текста в древности сопоставим с современной записью речи на магнитофон. Писец, записывавший устный персидский текст с автоматическим переводом его на эламский или арамейский языки, и чтец этого записанного текста, переводивший при чтении его обратно на персидский язык, уподобляются современному записывающему аппарату; в первом случае в качестве «механизма» такого аппарата выступают эламский (или арамейский) язык и письменность, во втором случае — электрическое устройство. Метод аллоглоттографии, очевидно, широко применялся на Ближнем Востоке, что и объясняет особое распространение в различные эпохи отдельных языков (эламского, арамейского) во всем этом регионе.

Не исключено, что и в Закавказье дохристианской эпохи особое распространение арамейских надписей, в частности, надписей, выполненных особым «армазским» письмом, отражает именно аллоглоттографию, широко практиковавшуюся и в этом регионе (и в первую очередь в древней Армении и Иберии) для записи текстов на местных языках. Так, вероятно, следует понимать сообщение летописца о том, что в эпоху царя Парнаваза в Картли «говорили уже только на грузинском языке» и что «он же создал книжничество грузинское», т. е. «грузинскую аллоглоттографию», естественно, на базе самого распространенного в то время арамейского языка (III век до н. э.), письменность на котором в Закавказье развилась в дальнейшем в особую разновидность, именуемую, вслед за акад. Г. В. Церетели [69], «армазской».

⁶⁶ Следует полагать, что такие письменные переводы на грузинский язык книг Священного писания, осуществленные после создания древнегрузинского письма «Асомтаврули», отразили в значительной своей части те устные переводы канонических религиозных текстов, которые в раннехристианскую эпоху могли осуществляться христианами проповедниками «аллоглоттоэпическим» путем, т. е. при иноречевом чтении или провознесении оригинала. Такой метод устной передачи на национальном языке иноязычных религиозных текстов при проповедях, распространившийся в древней Армении и Иберии, должен был содействовать в значительной степени терминологическому и лексическому совершенствованию и развитию национального языка уже в устной его форме (ср. работу Т. Х. Саркисяна [70], который именует такой метод «иноязычного чтения» гетероэпией).

ЛИТЕРАТУРА

49. Rosén H. Le transfert des valeurs des caractères alphabétiques et l'explication de quelques habitudes orthographiques grecques archaïques // Aux origines de l'hellénisme. La Crète et la Grèce. Hommage à Henri van Effenterre. P., 1984.
50. Uldall H. J. Speech and writing // Readings in linguistics. V. II. Ed. by Hamp E. P., Householder F. W., Austerlitz R. V. Chicago—London, 1966.
51. Vachek J. Some remarks on writing and phonetic transcription // Readings in linguistics / Ed. by Hamp E. P., Householder F. W., Austerlitz R. V. II. Chicago—London, 1966.
52. Джавашивили И. А. Грузинская палеография. 2-е изд. Кн. III. Ч. I. Тбилиси, 1949 (на груз. яз.).
53. Кекелидзе К. Два праздника грузинской культуры // Мнатоби. 1929. № 5, 7 (на груз. яз.).
54. Церетели Г. В. Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита. II // Эпиграфика Востока. 1949. II.

55. *Boeder W.* Zur Analyse des altgeorgischen Alphabets // Forschung und Lehre. Festgruß Joh. Schropfer. Hamburg, 1975.
56. *Церетели Г. В.* Метр и рифма в «Витязе в барсовой шкуре». Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
57. *Мачавариани Г. И.* Общекартвельская консонантная система. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
58. *Мачавариани Е. М.* Графические основы грузинского алфавита // Сабчота хеловнеба. 1977. № 10 (на груз. яз.).
59. *Мачавариани Е. М.* Графические основы грузинского алфавита. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).
60. *Harder R.* Die Meisterung der Schrift durch die Griechen // Das neue Bild der Antike / Hrsg. von Berve H. Leipzig, 1942.
61. *Муравьев С. Н.* Три древних алфавита Кавказа. Их различия, их сходство, проблема их родства. Ереван, 1982.
62. *Pataridze R.* Les bases graphiques de l' «Erkataguir» // Bedi Kartlisa. Revue de Kartvélogologie. 1972. T. XXIX—XXX.
63. *Jakobson R.* The beginning of national self-determination in Europe // The review of politics. 1945. 7.
64. *Marquart J.* Ueber das armenische Alphabet in Verbindung mit der Biographie des heiligen Mesrop. Wien, 1917.
65. *Meyendorff J.* The Byzantine legacy in the Orthodox Church. Crestwood (New York), 1982. P. 24 ff.
66. *Greppin J. A. C.* Some comments on the origin of the Georgian alphabet // Bazmavér. Revue d'études arméniennes. 1981. V. CXXXIX. № 3—4.
67. *Gamkrelidze Th. V.* A reply to John Greppin // Bazmavér. Revue d'études arméniennes. 1981. V. CXXXIX. № 3—4.
68. *Gershevitch I.* Alloglottography of Old Persian // TPhS. 1987.
69. *Церетели Г. В.* Армазская билингва. Двуязычная надпись, найденная при археологических раскопках в Мцхата-Армаза. Тбилиси, 1941.
70. *Саркисян Г. Х.* К предистории армянской письменности // Кавказ и Византия. Вып. 2. Ереван, 1980.